

В творческой студии «Старт» кинорежиссер Олег Кавун завершил работу над первой своей полнометражной картиной по собственному сценарию «Уроки в конце весны».

Фильм о событиях, лично пережитых автором фильма в середине 60-х годов, вызывает удивительно живые ассоциации с днями сегодняшними. О картине — и не только о ней — наш разговор.

Я прошу Олега в нескольких словах сформулировать о чем фильм.

— Эта картина о том, что так... жить можно.

— Дело в том, что герои картины — разные по характерам, образованию, жизненному опыту, — все они, по воле случая оказавшись в тюрьме, постепенно адаптируются к ненормальным условиям существования, поступаясь своим «я».

То же примерно происходит и в обществе — действие фильма протекает на фоне организованной «смены власти», отставки Никиты Сергеевича Хрущева.

В середине 60-х годов, в нескольких наших городах — а из неофициальных источников мне известно, что примерно в 70 городов такие беспорядки имели место. Тогда я, конечно, не понимал — почему это происходит. Ну, хлеб белый в магазинах пропал — появился гороховый, мы его еще «царь Горох» называли. Я помню, нам в школе под расписку давали одну белую булочку, и мы, как хорошие дети, приносили ее домой маме... И тогда было не совсем понятно — почему народ бунтует: ведь в магазинах лежало не менее четырех сортов колбасы, мяса было навалом, молоко, сметана, арахис, наконец, который я просто обожаю — все это было.

Сейчас, осмысливая происшедшее в 1964-м и учитывая некоторые косвенные факты, я понимаю, что смещение Хрущева было подготовлено. Думаю, что те события созвучны тому, что происходит сейчас у нас. Журнал «Огонек» в 1988 году, кажется, рассказывал о том, что где-то в Закарпатской области в лесу некто нашел сарай, забитый гниющими продуктами. Сейчас по ТВ нередки репортажи о том, что где-то сжигают сигареты. Думаю, что методы мафии с тех пор мало изменились. Ведь тогда «сбросить» Хрущева было достаточно про-

блематично — он сказал правду, он начал реабилитировать людей, репрессированных при Сталине, он открыл «железный занавес»... И ведь долгое время 60-е годы вспоминались как радость. Тогда произошло в стране нечто невероятное: советские люди первыми в космос полетели, первый спутник запустили, Каннский фестиваль — с Пальмовой ветвью нашему фильму, единственной, пожалуй, за все время до «Покаяния», Солженицын появляется. Театр на Таганке, Театр «Современник»... просто воплещ какой-то был, какая-то праздничная демонстрация, которая прошла и после которой стали срочно подметать обрывки бумаж, шарики, ленточки... Смещение Хрущева готовилось, ему, очевидно, надо было что-то предвещать. И вот прозвучали обвинения типа: «до чего страну довел», «народ бунтует» и т. п.

Я не могу сказать, что сейчас все в точности повторяется как тогда, но ощущение того, что происходит саботаж, — есть.

— Когда я знакомилась со сценарием «Уроки в конце весны», у меня возникла ассоциация с очередью в табачный киоск — когда десятки нормальных людей постепенно деградировали и превращались в озверевшую толпу.

— А я вспоминаю подобную «табачную» очередь, которая перекрыла просто дорогу, не давая возможности проехать троллейбусам и автобусам (они-то здесь причём?), и стояла, требуя привезти табак. И ведь что самое смешное — им привезли.

Я боюсь, что эти мафиозные группировки — есть ли они, нет ли их (не думаю, что при нашей общей безалаберщине может быть такая организация, как на Западе) — они всеми силами вставляют палки в колеса, они дожидаются такого народного бунта, когда начнут вешать всех. И в первую очередь интеллигентов, которые, как известно, всегда и во всем виноваты... А станут ли лучше люди, прошедшие через этот бунт?

— Олег, ведь герой вашего фильма, мальчик, пройдя через испытания, получив за полгода в тюрьме немало уроков жизни, — вряд ли он станет нормальным человеком. Судя по всему — он сломался.

— Да, он сломался, но он нечто в этой жизни осознал. И

я для себя этот фильм определяю как отказ от политики. Очень важен заключительный эпизод фильма — когда мальчик занимает очередь в магазине и уходит из нее: «Я не буду здесь стоять». Очередь в данном случае олицетворяет нашу жизнь, и мальчик отстраняется от нее. Вообще, как правило, большинство людей, переживших политическое заключение, впоследствии отказываются от участия в социальной жизни совсем. Что-то такое открывается в человеке в тюрьме, и он начинает смотреть на жизнь с божьей точки зрения. Начинаешь понимать, что карьера, те же очереди, гонка за чем-то — это все жуткая суета. И начинаешь в вещах относиться очень свысока.

Лучше ли мы будем жить, хуже ли — не это главное. Душу надо строить — это то, что я хотел показать своим фильмом. Это христианская мысль, которая — мне хотелось бы надеяться — будет услышана в картине.

Четверо заключенных в камере. И чем сильнее человек стремится остаться человеком, тем меньше у него шансов на это — такой парадокс. Потому

— Во всем мире эта проблема стоит, и как поступать с этими людьми — никто не знает, потому что тюрьма ведь не исправляет. О каком исправлении можно говорить, если человек как личность формируется уже к восьми годам жизни и перевоспитывать его бессмысленно. Я по себе это четко ощущаю: когда мне что-либо надо проверить, я вспоминаю свои детские ощущения: добро — зло, хорошо — плохо. И такая «проверка» никогда не подводит.

А людей, которые совершили преступление, конечно, надо изолировать от общества. Это однозначно. Только сроки должны быть не такими большими. Ведь для человека попадание в тюрьму — уже такой шок, которого хватает на всю сознательную жизнь. А потом, к сожалению, чем дольше ты там в заключении, живешь, тем больше понимаешь, что и там жить можно. Ведь социологи же подсчитали, что только первые четыре года человек еще как-то осмысливает, мучается от своего наказания, а потом заключение в тюрьме становится просто бессмысленным — к нему привыкают...

— Все это люди на вес золота. Потому что научиться всему этому можно только на такой большой студии, как «Мосфильм». Это приходит только с опытом. И их, этих людей, растаскали кооперативы.

— Олег, как вы собираетесь работать дальше? У вас задается еще постановка?

— Я человек ужасно суеверный. У меня есть еще несколько сценариев, а как будет дальше — пока не знаю, доверят ли мне еще постановку.

«Урокам» повезло в этом смысле. С этим сценарием смешная история получилась. Я отнес его в объединение «Старт». Сидя дома, смотрю телевизор, где идет обсуждение картины Шахназарова. Вдруг раздаются телефонный звонок: «Здравствуйте, с вами говорит Шахназаров». Я отвечаю: «А с вами говорит Наполеон». Я просто решил, что меня кто-то разыгрывает. Но тут он продолжает: «Я прочитал ваш сценарий, мы будем его обязательно ставить». Я начинаю понимать, что это звонит настоящий Карен. Сценарий был написан еще в 1987 году.

Гость редакции

Олег КАВУН:

«Так жить можно?»

что тюрьма — это машина, которая перемаывает всех. В тюрьме пространство для человека ограничивается собственным телом. И как только начинаешь выходить за пределы своего пространства, ты становишься в восторг для остальных, начинаешь им мешать, ибо уже вторгнешься на их территорию...

Таким заключенным оказывается Учитель — но ему не на что опереться, ибо идеалы, в которые он верил, в тюрьме бессмысленны, а жить без веры трудно.

Можно оставаться человеком в тюрьме, имея в душе христианские идеалы, понятия «мать», «Родина» — это святыни. Таков Лысковый в фильме, который не допускает мысли о предательстве матери, не позволяет мальчику говорить плохо о ней.

(Насколько легко было писателям XIX, XVIII веков, которые, опираясь на общественные идеалы: честь, любовь, мать, Россия, Бог и т. д., могли совершенно определенно рассчитывать на понимание читателей. Сейчас эти понятия настолько истончились, что превратились в пики. И художник, нажимая на эти «клавиши», может только ранить сам).

Вы знаете, когда я отсидел эти шесть месяцев и вернулся домой, мать предложила мне созвать на день рождения знакомых — тех, которые сидели со мной. Я категорически отказался. Потому что стыдно встречаться с таким прошлым. Тюрьма ведь никакого положительного опыта не дает, только отрицательный. Шаламов об этом точно сказал, что тюрьма человека только ломает. Она не делает его закаленным, лучше — она делает его пренебрежительней, там обесценивается понятие «человеческая жизнь», и через нее переступить уже проще. Потому так широко в царских тюрьмах была распространена церковь — церковь поддерживала в заключенном человека. Сегодня же этого совершенно нет, и если человек попал в тюрьму один раз, он обязательно станет рецидивистом. Потому что он перестает быть человеком, выпадает из общества совсем.

— А как же в таком случае наказывать человека, действительно совершившего преступление?

— Олег, каково ваше ощущение: получилось ли в фильме все задуманное?

— Картина, по правде говоря, мне не очень нравится. Все постигается «на лету». Может быть потому, что я ведь не режиссер, а сценарист по образованию. А может быть потому, что я... не умею ругаться матом. Это мне очень повредило в моей работе на «Мосфильме». Я не могу бегать с палкой по съемочной площадке и ругаться матом. Я не по-буржуазному отношусь к брани. Ну не хватает людям слов в русском языке — пусть матерятся в конце концов. Но я, к сожалению, убедился в том, что мы жуткие рабы. Когда на нас орешь — мы начинаем работать. А когда пытаешься разговаривать по-интеллигентному — мы тут же садимся на голову. И это происходит само по себе. Особенно это относится к среднему звену работников. И когда ты не орешь — тебе

вместо запланированных 700 человек массовки приводят 200, вместо девяти машин дают три в кадр... Может быть, это только у меня так.

Произошел распроектирован «Мосфильм». Кооперативы растаскивали лучших людей. Конечно, там и платят больше, и работают там быстро и споро.

— Вы имеете в виду организаторов производства?

Я имею в виду помощников режиссеров, ассистентов по реквизиту, ассистентов по актерам, костюмеров и так далее — людей, которые организуют

вроде бы всем нравился, но все боялись его ставить. И чувствовал, что сценарий зависает в воздухе. Тогда Карен предложил поставить мне самому.

— Каким представляется вам будущее картины, ее экранная жизнь?

— Хотя это и мелодрама — вроде бы жанр, любимый в народе, думаю, что судьба будет не очень удачной. Все-таки людям не очень нравится, когда им показывают самих себя. А я как человек, большой всеми этими проблемами, я бы показывал и показывал до тех пор, пока все бы не поняли, что так жить нельзя. Но мы к этой жизни привыкли и уже считаем, что так жить можно. Лишь бы была колбаса.

— Да, в фильме портрет общества узнаваем. Но мне кажется, что рассказ о «междувременьях» в середине 60-х годов — еще не очень «заезженная» тема и рассказ об этом будет зрителям интересен.

— При всей нашей гласности у нас пока еще существует масса «табу» на множество тем, они еще ждут своего открытия.

Я в своей жизни — так случилось — участвовал во многих политических событиях. В 1956 году я жил в Закарпатье, когда наши как раз освобождали Венгрию. К нам домой пришли венгерские националисты с автоматами, собираясь расстреливать мою мать — она тогда была членом горсовета. В 1964 году мне довелось «поучаствовать» в смещении Хрущева, в 1968 году я освобождал от перестройки Чехословакию... Вся история по мне чуть-чуть потопталась.

А в Чехословакии я понял одну страшную вещь: что советский солдат в определенных условиях ничем не лучше тех захватчиков, о которых мы всегда так неистово говорим... Человек, держащий в руках автомат, всегда имеет искушение выстрелить из него даже по минимальному поводу.

...А мы освобождали Чехословакию от перестройки. Там были те же лозунги, что у нас сейчас: демократия, плюрализм, разгосударствление собственности, многопартийность... И я

только сейчас понимаю, что мы там натворили. Обо всем этом я написал сценарий. В него вошли эпизоды, очевидцем которых я был.

— Вы говорите, что по вас «потопталась история». А как вам вам представляется наше будущее?

— Я не судья нашему Времени, но боюсь, что при нашей притерпелости гарантий того, что мы доведем все до настоящей демократии, нет. Потому что завтра, как только нас всех накормят и оденут, мы скажем: вот и замечательно, нам больше ничего не надо.

Помните, у Бердяева: Россия всегда должна объединять какую-то идею. Пока идея есть — Россия едина. Была христианская идея, монархическая, социалистическая, а теперь?.. Мы сейчас настолько все автономизированы, что даже не знаем своих соседей.

— Но все равно ведь какие-то общечеловеческие интересы сохраняются — любовь, семья, дети...

— Сейчас поменялись условия. И семья, наоборот, разъединяет людей, потому что объединяет каждую семью, разделяет общество. Да и невыгодно иметь теперь большую

семью. Напротив, в городе нужна маленькая мобильная семья, чтобы хотя бы всем уместиться в один автомобиль.

— При общей тенденции к разукрупнению «Мосфильм» стремится стать концерном. Ваше отношение к этому?

— Качество кинопроизводства зависит от наличия больших денег. И в этой связи концерн, конечно, поможет. Люди с удовольствием смотрят американское кино. И вот почему. Там работают профессионалы. Меньше миллиона картины там не стоят. Ведь для того чтобы люди хорошо работали — им надо хорошо платить. Вот так должно быть и у нас. Когда я на площадке чего-то от человека требую — это должно быть резонно, ведь я ему плачу. А режиссер, который получает 220 по высшей категории! Это же достаточно смешно, он так и будет тоже работать.

Гениальных картин — и у нас, и у них — в год снимается приблизительно одинаковое количество — 2—3. А вот поднять средний уровень картин — для этого нужны огромные деньги.

Но, по правде говоря, все это достаточно печально, потому что сейчас пошел жуткий поток потребности — всяких детективов, боевиков, сделанных на примитивном уровне. Честное слово, лучше бы мы не тратили на это деньги, а покупали бы картины там, на Западе, где умеют это делать качественнее и лучше.

И я часто думаю: зачем нам заниматься тем, чего мы не умеем делать, и, пожалуй, никогда не научимся. На мой взгляд, мы умеем делать неплохие мелодрамы. Вот нам бы этим и заниматься. Бросить сюда день-

ги. Вот американские актеры не умеют делать мелодрамы, в них души маловато. А наши могут — за нашего актера переживаешь, плачешь вместе с ним.

Кто-то очень неплохо сказал, что сейчас вся надежда на советский и китайский кинематограф, потому что «у них есть проблемы». Кинематограф — это всегда проблема. Кино — это искусство сегодняшнего дня.

— Если вы будете снимать следующую картину, на какой студии вы хотели бы работать?

— Скорее всего на «Мосфильме». Я немножко знаю другие студии, студию им. Горького — там вообще полный развал. «Мосфильм» пока, несмотря ни на что, все же держится. Доставай сумел включить какие-то рычаги и организовать работников. Правда, у меня есть предложения от кооперативов, но я не хочу с ними работать, я их боюсь. Я не умею быстро работать — они снимают за два месяца, правда, качество картин не становится лучше от этого, даже несмотря на то, что у них в самых крошечных ролях снимаются знаменитые артисты.

— Значит, дело не всегда в игре актеров и не всегда в суммах, которые платят за участие в фильме. Тогда в чем же?

— Кто-то из тех же американцев сказал, что в кино на первом месте стоит сценарий, на втором месте — сценарий и на третьем — сценарий. И все. В любом сценарии любого жанра должна изначально быть правда — тогда режиссеру удастся снять фильм.

Кино, к сожалению, очень плоское искусство в отличие от литературы. Изображение слишком конкретно, однозначно. С кино получается вообще удивительная вещь: сценарист берет какой-либо эпизод из жизни и переносит его на бумагу. Режиссер читает литературный сценарий и делает из него режиссерский. Потом включается бригада художников, операторов, осветителей — и каждый видит этот эпизод по-своему. Так на экране получается нечто совсем отличное от того жизненного эпизода, который увидел сценарист. И очень трудно бывает воплотить задуманное на экране. Даже Тарковский говорил, что у него получается лишь 30 процентов из задуманного.

А в слове всегда можно изобразить точнее. И я пока не видел фильмов, которые по уровню глубины осмысления жизни выходили бы на уровень приличной литературы.

— Олег, планируете ли вы встречи со зрителями, премьерные показы своей картины?

— Нет, я никому ничего не предлагаю, я вообще против всякой шумихи вокруг фильма.

— Принципиально против или так просто складывается? Вы считаете безразличным рекламировать себя?

— Вот мы сейчас сидели, разговаривали. Видимо, примерно так же я должен был бы разговаривать с большим количеством людей. А получится ли такая беседа — я не знаю. Рассказывать о том, как снималось это кино, я считаю, никому не интересно и не нужно. Почему тогда не возить по городам рабочего, который будет рассказывать всем, как он изготавил деталь... Это профессия, и не надо вокруг нее создавать ореол.

— То есть, другими словами говоря, вас не интересует конкретный, кассовый результат проката?

— Нет, абсолютно не интересует. Господь мне дал возможность снять фильм. И, как мог, эту возможность осуществил — а там уже его дело, как он этим воспользуется.

Е. КУРБАНОВА.

Фото А. ПАШВЫКИНА.